

Раздел 4. Травелогги, актуальные эго-практики

А. М. Поверина

(научный руководитель – кандидат филологических наук Г. В. Ситникова)

Липецкий государственный педагогический университет

Липецк, Россия

Русский взгляд на Италию (на материале путевых дневников Петровского времени)

Аннотация: статья посвящена анализу путевых заметок Петровской эпохи. По разным причинам в Италии побывали Б. П. Шереметев, Б. И. Куракин, П. А. Толстой, которые фиксировали свои впечатления от увиденного на страницах дневников. Каждый из мемуаристов по-своему представлял Италию, делал свои акценты, но в целом из различных зарисовок складывается яркое, неповторимое, достоверное изображение Италии конца XVII – начала XVIII вв.

Ключевые слова: Италия, Петровская эпоха, путешествия, культура, повседневность, религия.

Период царствования Петра I в России является интересным для изучения, эпоха просто пестрит новшествами, преобразования захватывают многие стороны жизни, влияя на внешний облик человека (форма одежды, бритье бород и т. д.), его бытовое поведение и мировоззрение. Последнее связано с тем, что создавалась весьма качественная почва для расширения кругозора и знакомства с различными европейскими культурами. Неудивительно, что такая многоплановая эпоха привлекала и продолжает привлекать внимание историков и литературоведов. Про данный период истории российского государства существует множество работ, при этом продолжают возникать новые, расширяющие ее содержательный план, помогающие нам рассмотреть эпоху со всех сторон.

Петр I для России эпохи XVIII века стал крупнейшим преобразователем, благодаря его усилиям жизнь всей страны претерпела кардинальные изменения. В отличие от предшественников, в своей реформаторской деятельности император пользовался опытом стран вне зависимости от их государственного строя и политики, преобразования Петра I были направлены на многоплановое освоение европейской культуры в целом. Именно в эту эпоху начались активные международные отношения, император руководствовался желанием поставить Россию в один ряд с могущественными европейскими государствами. Для этого он сам первым делом отправился за границу, где учился наукам и ремеслам. Известно, что одной из целей первого путешествия царя было побуждение русского человека к поездкам за границу, к освоению быта, нравов, языка других стран. Именно личный пример Петра Алексеевича создал новый тип личности россиянина, символизирующий данную эпоху. Это герой-путешественник, который интересуется тем, что его окружает, который обращает внимание на новшества, стремится к знаниям, культурному и духовному обогащению. Представители дворянства и купечества начали отправляться в этот период в Европу для изучения современных тенденций в различных науках и ремеслах.

Русский человек, оказавшийся в непривычной, незнакомой обстановке, стремится записать свои впечатления, наблюдения, эмоции, так и появляются путевые дневники. Путешественники того времени не обладают профессиональными писательскими навыками, они простодушно фиксируют на бумаге все, с чем сталкиваются, что видят нового и непривычного. Авторы путевых дневников, в которые они и записывают свои впечатления от посещения незнакомых мест, ведут себя в новой для них обстановке очень уверенно, спокойно и открыто. Форма записи в дневниках имеет определенный ряд особенностей: регулярное ведение наблюдений, необработанность, спонтанность, связь с

современностью, отсутствие адресата. Любой материал, содержащийся в подобных книгах, является индивидуальным, так как вся информация подается под углом зрения его автора.

Дневниковые записи велись по случаю путешествий в различные страны Европы, в центре внимания были Голландия, Франция, Италия и Германия. Италия была интересна деятелям Петровской эпохи, так как имела важное политическое и культурное значение. Именно в XVIII веке контакты с Италией стали осуществляться на постоянной основе, у России была цель – укрепиться на море и суше за счет соглашения с Венецией, для Италии Россия была единственной страной, которая могла обеспечить удобные морские пути к Черному и Азовскому морям. Процесс объединения интересов России и Италии не был моментальным, дипломатические инициативы Петра I встречали сопротивление со стороны некоторых европейских держав, которые не были заинтересованы в укреплении восточного соседа. Сам Петр I интересовался не только военным и торговым флотом Италии, кораблестроением, но и пытался убедить Венецию через послов Дмитрия Боциса и Матвея Карретту установить с Россией дипломатические отношения, а также подписать договор против Османской империи.

Нельзя не отметить тот факт, что культурные связи между Россией и Италией в XVIII веке складывались значительно удачнее, чем политические. В России издавна ценились итальянские архитекторы, получившие даже особое прозвище, фрязин (так называли выходцев европейского юга романского происхождения, в основном итальянцев). В XVIII веке к архитекторам добавились живописцы, скульпторы, которые нашли в России вторую родину. Желание познакомиться с бытом и культурой Италии мы видим в дневниках русских путешественников XVIII века.

Дневники о поездках в Италию вели Б. И. Куракин, П. А. Толстой («Путешествия стольника Петра Андреевича Толстого»), Б. П. Шереметев («Записки путешествия») и так называемая Неизвестная особа («Записки неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии»). Имя последнего деятеля неизвестно, существуют только догадки по поводу установления лица автора данных записок.

Русские путешественники Петровской эпохи, отправлявшиеся в Италию с дипломатической миссией, нередко выступали и своеобразными проводниками между двумя культурами. Именно так можно расценить деятельность Б. И. Куракина (1752 – 1818), который в период своего первого посещения Италии в 1697 году в составе делегации изучал навигационное дело, а впоследствии ему было поручено убедить папу римского сменить отношение к Станиславу Лещинскому (1707). С этим поручением князь инкогнито отправлен к паре Клименту XI, чтобы вручить тому грамоту с просьбой о непризнании С. Лещинского польским королем. Петр I со своей стороны обещал пропуск римских миссионеров в Китай через Россию. Результат, полученный русским дипломатом, был самым оптимальным в условиях той политической ситуации, в которой он находился, – папа не стал признавать С. Лещинского, собираясь дожидаться признания от Речи Посполитой.

По иным причинам на итальянской земле оказывается известный дипломат и сподвижник Петра – Б. П. Шереметев (1652–1719). С 1697 года он путешествовал по Европе, выполняя поручения Петра I. В Италии, согласно официальным документам, Шереметев оказался по религиозным целям, он отправлялся в Рим в паломничество для поклонения апостолам Петру и Павлу, которые были покровителями военачальника во время войны с турками и крымскими татарами.

Очевидно, что все путешественники Петровской эпохи отмечали в записях то, что было для них новым, они интересовались непривычными для русского человека вещами. По большей части деятели регистрировали в своих записях каждое перемещение (П. А. Толстой, Б. П. Шереметев, Неизвестная особа), исключением из этого ряда путешественников является Б. И. Куракин, который чаще всего ограничивается краткой фиксацией наиболее важных событий.

Все путешественники особое внимание уделяют архитектуре, явлениям природы, местным обычаям, приему гостей, рельефу местности. Что касается последнего, то неудивителен интерес жителей равнинной местности в России к горным пейзажам. Так, в «Записках Неизвестной особы» фиксируются впечатления о Тиролинских горах с источниками в городе Трент. Неизвестная особа обращает внимание на величие гор: «Тут многия горы такая высокая, что облака ниже их ходят» [Записки 1988: URL]. Информация передается не как сухой факт, а подкрепляется эмоциями страха от возможности падения камней на человека.

Путешествуя по Неаполю, П. А. Толстой запечатлел образ вулкана Везувия, который стал для русского путешественника чудом природы. Б. П. Шереметев наблюдал зрелищное извержение этого же самого вулкана, отразив в своих «Записках» весь спектр испытанных эмоций – страх, обреченность, беспомощность: «В бытность боярскую в Неаполе тутошние жители два дни были в великом страхе и ужасе от горы Везувий, горящей непрестанно, потому что в те дни превеликой из оной горы исходил огонь, был гром, треск и шум и кидало вокруг горы мили на три на четыре большие огненные каменя, многие же с той горы протекали лавы, причем живущих около сей горы пожгло, побило и переранило каменьями многих людей, так же и всякие пожгло заводы, от чего в город Неаполь збежалось народу с тридцать тысяч» [Шереметев 2013: 94].

Нельзя не отметить, что деятели Петровской эпохи, путешествующие по Италии, фиксировали особенности их приема, правила европейского этикета, проявляемые при этом. У Б. П. Шереметева они достаточно подробно описаны, обильное угощение было свидетельством наличия уважения к гостю, в Венеции Бориса Петровича угощали сахарами и конфетами на 180 блюдах, а вином – в 60 бутылках. Папа римский прислал на подворье русского боярина «рыб многих и сахаров и вин разных множество, блюдах на 70» [Шереметев 2013: 52–53].

Б. И. Куракиным были подмечены и зафиксированы различные тонкости этикета, он даже создал особые заметки «о приеме кардиналов и как они принимают», «о визитах принцам и другим кавалерам и о приемности их». Он уделил этому достаточно большое внимание, так как путешествовал в Италию с дипломатическими целями. В результате своих наблюдений он пришел к выводу, что по тому, где встречает гостя римский вельможа, в какую комнату провожает и как он при этом одет, можно понять его отношение к гостю. Важным является также расположение кресел кардинала и визитера в приемной кардинала: если они далеко друг от друга, то «гораздо значит низко ведет», если кресло визитера находится слева и на одной линии с креслом кардинала, «то значит что тому великую честь отдает» [Куракин 1890: 184].

Русский человек по своей натуре глубоко верующий, религия – одна из важнейших составляющих его души. И, конечно же, при посещении другой страны у него возникнет желание понаблюдать за чужой духовной жизнью. Католичество и православие являются основными направлениями христианства. Но до воцарения Петра I европейское пространство ассоциировалось у русского человека с угрозой для православия, лишь позже появляется интерес к католичеству, который и объясняет одну из составляющих специфику русского взгляда Петровской эпохи на Италию, то есть пристальное внимание к устройству храмов, религиозным обрядам, убранству церквей и т. д.

Автор записок о путешествиях, оставшийся неизвестным, подробно описывает внутреннюю архитектуру и устройство итальянских соборов. В Венеции он обращает внимание на собор святого Марка: «Над дверьми резьба из мрамора белаго, над резьбою четыре лошади медная, без узд, вызолочены, а поставлены на знак венецейской вольности» [Записки 1988: URL]., во Флоренции посещает и описывает церковь Св. Иоанна, «строение изрядное, в одном приделе неугасимых свеч 60 с лампадами, подсвечников 50 серебряных; ангелы по стенам серебряные со свечами, потолок резной вызолочен» [Записки 1988: URL].

Неизвестная особа обращает внимание на то, что строительство культовых сооружений в Италии длится порой десятки лет, одну из таких церквей путешественник посещает, ее «строят 96 лет, еще недостроена половина, вся внутри из разных мраморов и яшми» [Записки 1988: URL], тонкая, кропотливая работа по камню вызывает у путешественника восхищение.

Пристальное внимание неизвестный путешественник уделяет особо почитаемой в православии Пресвятой Богородице, во Флоренции посещает церковь, построенную в честь Пресвятой девы, отмечая, что она «превеликая, вся из мрамора» [Записки 1988: URL], в Венеции видит и описывает «образ Пресвятыя Богородицы высечен из белаго мрамора, держит младенца – предивной работы; над нею зделано солнце и пламени из стекла, подобно как солнце сияет» [Записки 1988: URL].

Неизвестный путешественник не может обойти вниманием христианские святыни, что хранились в соборе Св. Марка в Венеции: «тут млеко Пресвятыя Богородицы в склянице и власы Богородицы русы; гвоздь, которым пробито тело спасителя и бога нашего; терноваго венца часть; часть столба, у котораго творца нашего бичевали; ризы Пресвятыя Богородицы; евангилие, писанно евангелистом Марком; камень тот, из котораго в пустыни Моисей воду источил.» [Записки 1988: URL]. Записки Неизвестной особы свидетельствуют о посещении путешественником в каждом городе множества соборов, монастырей, которые описаны довольно подробно.

Во всех подробностях описывает свое знакомство с католической культурой Б. И. Куракин, он имел честь побывать в папском дворе, чего не мог не отметить в своих записках. Из дневника Куракина можно понять, что относится он к католической церкви скептически, религиозные зарисовки Рима у него отличаются обличительным характером: он зафиксировал случай разврата католической церкви в лице священника Муленеса, который провозглашал, что «блуд не грех» и призывал тут же: «плодитесь, родитесь и умножьте землю и рожайте ею» [Куракин 1890: 205]. Представляя эту историю в кругу других записей на религиозную тематику, автор отчетливо выражает свой критический настрой по отношению к католической церкви.

Б. П. Шереметев посещал Италию с религиозными целями, поэтому повествование о католических соборах образует у него отдельную группу записок. Особое впечатление на дипломата произвел дом Богородицы в Лорето, путешественник созерцает святыню, а затем детально описывает ее: «Тотъ домъ – палата каменная, стоитъ безъ фундамента четьреста лѣтъ, а стоитъ нынѣ въ великой церквѣ. И кругъ того дому снаружи обдѣлано вновь палатою изъ мрамора и по всему вырезаны притчи евангельския и иныя весьма богато и искусно. И скарбъ въ той церквѣ ея Пресвятыя Богородицы для дому ея, присланный отъ всѣхъ монарховъ и отъ великихъ знатнѣйшихъ особъ, отъ каменьевъ: алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и иныхъ, также отъ золота, серебра и жемчугу – превеликий и неисчетный, чаю, будетъ на нѣсколько миллионовъ» [Шереметев 2013: 51].

Можно согласиться с А. В. Шунковым, который обращает внимание на то, что данный фрагмент «одновременно демонстрирует особенности восприятия путешественником увиденного им сакрального предмета: с одной стороны он находится под воздействием священного трепета перед святыней, понимая, какой с ней связан масштаб событий, а с другой – в этом описании просматривается и чисто человеческий интерес, и любопытство к увиденному. От внутреннего переживания события евангельской истории, вызванного созерцанием святыни, автор-составитель записок обращается к описанию ее внешней формы: материала, из которого сделан дом, как он обустроен и сохранился сейчас и др.» [Шунков 2015: 305].

Даже стольник П. А. Толстой, изрядно склонный к неприятию инакомыслия и чужих традиций, обращал большое внимание на католические храмы, сравнивая их с устройством православных. На церкви Италии он смотрел глазами просвещенного ценителя искусства, а также человека, хорошо разбирающегося во внутреннем устройстве культовых сооружений. Перед его взглядом предстают католические храмы и монастыри

театинов, иезуитов, кармелитов и оливетанов. Достаточно детально в своем дневнике Толстой представляет собор св. Петра в Риме. Согласно его записям: «Церковь св. апостола Петра зело велика, какой другой величистью на всем свете нигде не обретається, и предивным мастерством сделана» [Толстой 1992: 194]. При этом в описании церквей Италии проскальзывают эпитеты «чудный», «дивный», «преудивительный», «пречудный», «предивный» и тому подобные.

Русские путешественники в Италии обращают внимание не только на устройство духовной жизни, привлекает их и повседневность, которую они, естественно, сравнивают с привычной жизнью на родине. Ярмарки, балаганы, различные потехи, конечно, не проходят мимо взора путешественников.

П. А. Толстой сравнивает традиции неаполитанских и московских праздников, во время которых в лавках на площадях продаются различные угощения. Неизвестный автор описывает торговые ряды в Милане и дивится народным зрелищам и играм: «На площади же видел я, как хитро мужик делал: два гвоздя железные в нос забил и на тех гвоздях на веревке малаго поднимал, лет 18-ти. Он же камень ел и воды выпил, ушат большой. Еще привязав к волосам камня, пуд по 6-ти носил. И смотрел я в Венеции, как играют сенаторы мячем кожаным, надут духом: гораздо бьют руками; а на руках у их, кто играет, в то время инструмент точеной, деревянной, будто лукошка» [Записки 1988: URL]. Б. П. Шереметев тоже не оставляет без внимания различные потехи, он участвует в состязании по стрельбе из лука, посещает зверинец.

П. А. Толстой побывал во многих городах Италии, он посетил Венецию, Бари, Неаполь, Рим, Верону, Падую. Флоренцию, Болонью, Милан, поэтому он тщательно фиксирует еще и бытовые подробности своего путешествия – внутреннее убранство гостиниц («отведут комнату особую; в той же палате будет изрядная кровать с постелью, и стол, и кресла, и стулы, и ящик для платья, и зеркало великое, и иная всякая нужная потреба»), заведенный порядок обслуживания (слуги «постели перестылают по вся дни, а простыни белые стелят через неделю, также палаты метут всегда и нужные потребности чистят»), угощение (кормили постояльцев два раза в день мясной и рыбной пищей, на стол подавали большое количество вина и фруктов) [Толстой 1992: 126]. Толстой обращает внимание на то, что гостиница (остерия, как называет ее Толстой на итальянский манер) для иностранцев (форестеров) в Риме отличается роскошью: «палаты в них обиты кожами золочеными и убраны изрядными картинами; кровати изрядные золоченые, постели также хорошие, простыни всегда белые с кружевами изрядными. И когда хозяин остерии кормит форестеров, тогда на столах бывают скатерти изрядные белые и полотенца ручные белые ж по вся дни, блюда и тарелки оловянные изрядные, чистые, ножи с серебряными череньями, а вилки и ложки и солонки серебряные, все изрядно и чисто всегда бывает» [Толстой 1992: 128].

Авторы упомянутых путевых дневников были разными по характеру и культурно-историческому опыту людьми. Например, П. А. Толстой, человек рациональный, экономист, дипломат, знаток мореходного дела, тонкий ценитель искусства, все увиденное воспринимает критически, здраво высказывается по целому ряду проблем. Б. И. Куракина же в первую очередь интересуется жизнью аристократической Западной Европы, внешняя культура «знатных персон», светский этикет.

Русские путешественники в Италии обращают внимание абсолютно на все. Их в равной степени интересует духовная и бытовая жизнь, культовые сооружения и дворцы правителей земель, сады, ярмарки, театры, госпитали, учебные заведения и т. д. Дневниковые записи Петровской эпохи позволяют сделать вывод, что западный мир был воспринят русскими путешественниками во всем своем многообразии. Каждый из мемуаристов по-своему представлял Италию, делал свои акценты, но в целом из

различных зарисовок складывается яркое, неповторимое, достоверное изображение Италии конца XVII – начала XVIII вв.

Литература

Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / сост., подгот. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. М. : Сов. Россия, 1988.

URL: http://anima-veneziana.narod.ru/Articles/AV41_Travel_list_unknown_person_rus.pdf

(дата обращения 10.03. 2021).

Куракин Б. И. Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1707 // Архив кн. Ф. А. Куракина. Кн. 1. Спб., 1890. С. 101–240. URL: <https://memoirs.ru/> (дата обращения 10.03. 2021).

Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе (1697–1699). М. : Наука, 1992.

Шереметев Б. П. Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699. М. : Наука, 2013.

Шунков А. В. Образ Европы в русских путевых записках конца XVII века «Записки путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в Европейские государства...» // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50) С. 302–307.

Poverina A. M. Russian view of Italy (based on the material of travel diaries of Peter's Time)

Abstract: the article is devoted to the analysis of travel notes of the Peter the Great era. For various reasons, B. P. Sheremetev, B. I. Kurakin, P. A. Tolstoy visited Italy, who recorded their impressions of what they saw on the pages of their diaries. Each of the memoirists represented Italy in his own way, made his own accents, but in general, from various sketches, a bright, unique, reliable image of Italy of the late XVII – early XVIII centuries is formed.

Keywords: Italy, Peter the Great era, travel, culture, everyday life, religion

Е. В. Потапова

(научный руководитель – доктор филологических наук О. В. Зырянов)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Произведения А. А. Шишкова о Грузии как один из источников «грузинского текста» М. Ю. Лермонтова

Аннотация: два эго-текста А. А. Шишкова («Перечень писем из Грузии», «Кетевана, или Грузия в 1812 году») анализируются с учетом образных, сюжетных, текстуальных параллелей с произведениями М. Ю. Лермонтова. С опорой на прозу Шишкова о Грузии выявляются возможные литературные прототипы образов Бэлы и Максима Максимыча в романе «Герой нашего времени». Доказывается, что в элементе «грузинского текста» Лермонтова (стихотворение «Не плачь, не плачь, мое дитя...») лирический сюжет повторяет любовную линию романа Шишкова о Грузии.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, А. А. Шишков, «Герой нашего времени», «Не плачь, не плачь мое дитя...», «грузинский текст»

Александр Ардалионович Шишков (1799–1832) вошел в историю литературы как Шишков 2-й. Он был племянником одного из основателей «Беседы любителей русского слова» А. С. Шишкова, однако «дядя и племянник оказались на диаметрально противоположных позициях» [Шадури 1951: 44], поскольку последний сблизился с